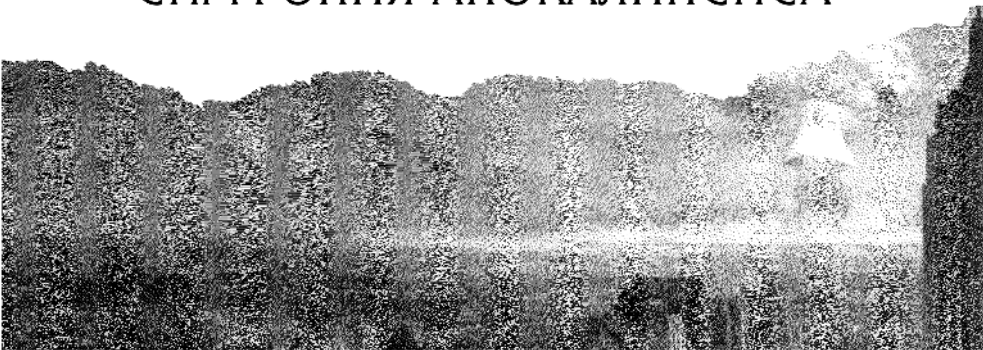




ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ
ДЭНА БРАУНА

МИХАИЛ ВЕРШОВСКИЙ

СИМФОНΙΑ АПОКАЛИПСИСА



Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В37

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на обложке *В.Петелина*

Вершовский, Михаил Георгиевич.

В37 Симфония апокалипсиса / Михаил Вершовский. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Интеллекту-
альный детективный роман Д. Дезомбре).

ISBN 978-5-699-92849-1

Эли, подруга сэра Артура МакГрегора, в панике: выстрелом в лоб убита жена ее брата Анри Леблана. Затем бесследно исчезает и сам Анри. Патологоанатом извлекает из глотки убитой женщины личинку цикады, а на снимках трупа отчетливо виден DVD с известным художественным фильмом; актриса, сыгравшая в нем главную роль, родилась 1 января 33-го года. Так Артур МакГрегор получает набор знаков из нового ребуса и, по мере его расшифровки, вместе с Эли погружается в тайну секретной организации «Цикада 3301», масштаб и чудовищный цинизм которой еще никогда не знало человечество... Книга основана на абсолютно реальных фактах. О существовании «Цикады 3301» любой читатель с доступом к Интернету может убедиться. И конечно, шоком станут всем известные имена исторических персон и ныне здравствующих политиков и бизнесменов, которые упомянуты в романе. Эта реальность превращает роман в совершенно ошеломляющее расследование мегасговора, в сравнении с которым даже фашизм и терроризм кажутся детским баловством...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92849-1

© Вершовский М., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

«Цикада 3301»: Уже более двух лет криптографы-любители бьются над «Цикадой 3301» (серия пазлов, нечто вроде интернетовской «охоты за предметами», требующей чрезвычайно высокого уровня по части взлома кодов — и весьма глубокого знания таких эзотерических предметов, как оккультная средневековая литература и нумерология майя, — для развязывания очередных узлов). Кто стоит за всей этой головоломной игрой — неясно, хотя многие энтузиасты считают, что это большая, хорошо финансируемая и прячущаяся в тени организация, которая пытается рекрутировать в свои ряды специалистов высочайшего уровня. Если всё будет продолжаться в том же духе, мы можем никогда не узнать всей правды.

*Кейтлин Дюи,
«Пять самых злоецих
и нераскрытых тайн Интернета»
The Washington Post,
2 мая 2014 г.*

Чтобы стабилизировать население планеты, нам надо уничтожать 350 000 человек каждый день. Произнести такое вслух — ужасно, но не менее ужасно молчать об этом.

Жак Ив Кусто

Если меня ждет реинкарнация, я хотел бы вернуться на Землю смертоносным вирусом, чтобы внести мощный вклад в решение проблемы перенаселения.

*Принц Филипп,
муж королевы Елизаветы II,
один из основателей Всемирного фонда
дикой природы*

Человечество разделено на три класса: крайне ограниченная группа людей, которая вершит дела, значительно большая группа, которая лишь наблюдает, как эти дела вершатся, и подавляющее большинство, которое понятия не имеет о том, что вообще происходит.

*Член клуба «Богемская Роща»
Николаас Мюррей Батлер,
президент Колумбийского университета,
лауреат Нобелевской премии мира*





ОТ АВТОРА

Книга, которую вы взяли в руки, написана в жанре триллера. Точнее, исторического триллера. И романа-катастрофы. Иначе говоря, она должна быть плодом фантазии автора. Увы.

Я назвал бы эту книгу полудокументальной. По сути, фантазией автора является лишь финал, когда всех негодяев планетарного масштаба уничтожают поголовно. Думаю, любому ясно, что такой финал пока — чистой воды фантазия. А жаль.

Однако значительная — если не бóльшая — часть книги основана на самой реальной реальности, сколь пугающей эта реальность ни была бы. Во-первых, абсолютно реальна «Цикада 3301», и любой читатель с доступом в Интернет может в этом убедиться. Все задачи и пазлы, которые «Цикада» предлагала кандидатам, жаждущим заполнить место в этой таинственной системе, ни в чем не изменены. И даны в книге именно в том виде, в котором они появлялись и в Интернете, и в «Темной сети» (DarkNet).

К великому сожалению, реальны и эпиграфы к книге: и слова доброго дяди Кусто, и принца Филиппа (основатель Фонда дикой природы). Здесь мне не дает покоя одна мысль: когда всемирный любимец Жак Ив Кусто говорил о том, что каждый день нужно уничтожать (именно это слово!) 350 тысяч человек, имел ли он в виду и себя?

Еще один момент. Супервулкан в кальдере Йеллоустонского парка — реальность абсолютная. Конечно, рвануть он может и завтра, а может через пару миллионов лет. Но вот ускорить процесс, «прорвать опухоль» возможно вполне.

Следующий абсолютно реальный момент: тайные общества. Они есть, но... Больше половины из них — эта дебиловатая игра в секретность, исключительность, загадочность. Малая часть, включая «Бильдербергеров», членов Римского клуба и им подобных, абсолютно реальна и смертельно опасна. И, наконец, третья группа: это те, кто оттягивает на себя внимание от реальных врагов человечества, благодаря чему те частенько остаются в тени.

Абсолютно реальны и так называемые Скрижали Джорджии и надписи (заповеди) на них. Реальная история их создания и торжественного открытия, включая присутствие Йоко Оно (и ее неподдельный восторг).

Но главная реальность в книге — заслуга отважного французского историка Ги Фо. Отважного потому, что он взял на себя смелость разрушить миф о «бедных невинных тамплиерах», которые людям только счастья и желали. А мы с вами знаем, что на кое-какие мифы в наше время нельзя покушаться безнаказанно.

Что греха таить, множество народу до сих пор считает тамплиеров предвестниками демократии, а также Свободы, Равенства и Братства (все революции с тех пор показали, чем оборачиваются эти блистательные лозунги). Но мы сейчас не об этом. Нет, не были «несчастливые» тамплиеры такими добрыми дядюшками, грезившими о светлом будущем человечества. Не были.

Они были (и остались — ведь орден не канул в небытие) существами совсем иного сорта. И, повторяю, лишь Ги Фо и невеликий отряд честных историков — верьте или нет, попадаютя и такие — сумели развенчать тамплиерскую легенду.

И не напоминает ли вам лозунг тамплиеров — Ordo ab Chao (порядок из хаоса) — нынешнюю стратегию «новых крестоносцев» — теорию «управляемого хаоса»?

Реальных моментов в книге гораздо больше, чем я упомянул здесь. В частности, есть достаточно много указаний на то, что бубонная чума — черная смерть — в Европу попала совсем не случайно. Тоже реальность. Но, дорогие читатели, уж будьте добры, если именно эта тема вас почему-то зацепит, проведите собственное небольшое исследование. Вот только по ходу этой работы вы можете наткнуться на такое, на что наткаться не хотелось бы.

А теперь простите за пространное вступление. Можете перелистнуть страницу. Дальше — уже книга.

*Михаил Вершовский,
август 2016 г.*





ПРОЛОГ

I

Париж, 18 марта 1314 г.

Эшафот, представлявший собой наскоро сколоченную площадку с полудюжиной ступенек, был установлен у южного фасада собора Парижской Богоматери — Нотр-Дам де Пари. Строительство самого здания уже было практически завершено, но работы внутри храма должны были продлиться еще не один год.

На мраморных ступенях Нотр-Дама в высоких креслах расположились члены церковного собора: кардиналы, архиепископы, епископы, члены папской курии (знатоки канонического права), съехавшиеся со всех концов христианской Европы, от Испании до Англии и Германии. Больше всего, естественно, было французов.

На лицах большинства из них читалось явное облегчение: этот мартовский день был *последним* днем бесконечного судебного процесса, всколыхнувшего весь католический мир, процесса, на котором решалась судьба могущественного и покрытого как славой, так и бесчестием, ордена рыцарей Храма, полное название которого звучало откровенной насмешкой: орден бедных рыцарей Христа. Кошельки «бедных» рыцарей, может, и не были набиты золотыми монетами, но сам орден обладал богатством,

превосходившим состояние едва ли не всех христианских монархов. Вполне понятно, что рыцари Храма не пользовались излишней симпатией коронованных особ. И не только их. В народе тамплиеры также имели весьма дурную репутацию, которая в ходе семилетнего процесса превратилась в неприкрытую ненависть, тем более что вести о немислимых грехах и откровенном богохульстве членов ордена очень быстро просачивались наружу, приводя в ужас богобоязненных жителей Вьенна, где все эти годы заседал собор, обитателей близлежащего Авиньона и, конечно же, парижан, всегда знавших все обо всем. Стоит заметить, что еще задолго до процесса простолоудины французской столицы шептались о том, что юным мальчикам следует остерегаться рыцарей Храма и, укоряя какого-нибудь пьяницу, пеняли ему на то, что он «пьет как тамплиер». А высокомерие храмовников давно уже стало притчей во языцех.

Толпа, заполнившая все пространство от эшафота, который был окружен гвардейцами короля Франции, и до самого берега Сены, возбужденно гудела. Само слово не произносилось вслух, но оно висело в воздухе: «Крови! Крови! Крови!!!» Впрочем, общее возбуждение ни в малой степени не передавалось членам собора и папской комиссии, сидевшим в своих креслах на ступенях Нотр-Дама. Они-то знали, что никакой крови не будет. Четыре высших сановника ордена, которые должны были взойти на эшафот, сделают это лишь для того, чтобы подтвердить свои показания, которые они слово в слово повторяли в течение семи лет, а затем выслушать уже известный им самим приговор: пожизненное заключение.

II

В двенадцати лье от Парижа, в личной королевской столовой дворца Фонтенбло сидели два главных лица затянувшейся на семь лет драмы: король Франции Филипп Четвертый, прозванный Красивым, и его ставленник на папском троне, Климент Пятый. Ставленник, да, но слишком упрямый и своевольный. Сколько усилий предпринимал папа, чтобы спасти и орден рыцарей Храма, и высших его сановников. «Неблагодарный негодяй», — в который уже раз подумал король, однако лицо его не выразило при этом никаких эмоций. Все, встречавшиеся с Филиппом, знали, что проникнуть в его мысли и чувства абсолютно невозможно. Всегда бесстрастное лицо монарха даже в критические минуты не позволяло заглянуть в душу короля. Вот и сейчас, услышав стон Климента — бедняга страдал от рака желудка уже не один год, — Филипп плеснул сладкого бургундского вина в золотой бокал Его Святейшества с тем же безмятежным выражением лица, с которым выслушивал скорбные восклицания папы, отказывавшегося понять поведение высших лиц ордена тамплиеров и особенно Великого магистра Жака де Моле.

Озадаченность папы была более чем оправдана. Он лично выслушал показания семидесяти двух тамплиеров, которых по его приказу не подвергали пыткам; более того, им даже не угрожали пытками. Папа сидел в центре судейского стола, когда напротив него стоял исхудалый седобородый старик, в котором с трудом можно было узнать всегда высокомерного и неприступного Великого магистра. И Климент V, даже имея протокол трех кардиналов, допрашивавших де Моле ранее, отказывался верить

своим ушам, когда Магистр гневно вскидывал голову, категорически отвергая обвинения в содомии и прочих плотских грехах, но тут же опускал ее, с глухим бормотанием подтверждая существование богохульного обряда приема в орден, с обязательным отречением от Иисуса Христа и осквернением распятия. Плевать на распятие Господне! Наступить на него сапогом! Папа едва осмеливался читать из протокола эти страшные слова. Но де Моле каждый раз лишь кивал и произносил: «Да. Да. Да». Магистр не отказался от обвинений в богохульстве даже тогда, когда папа торжественно поклялся, что де Моле и прочих не подвергнут пыткам. Так будет ли Жак де Моле защищать орден? Кому же это делать, как не Великому магистру? В ответ прозвучали слова, которые привели в растерянность всех бывших в зале:

— Я не настолько учен, как следовало бы... Как могу я защитить орден должным образом? Я узник папы и короля Франции, и у меня всего лишь четыре денье, которые я мог бы потратить на его защиту.

«Словно откупиться от этих страшных обвинений можно деньгами», — с горькой иронией подумал Климент. И после короткой паузы де Моле стал сыпать именами. Именами тех, кто участвовал в этих богомерзких обрядах, и тех, кто ими руководил. Впрочем, Великий магистр делал это на каждом допросе. Менялись лишь имена. Все названные бывали допрошены и признавались в содеянном, получая пожизненное заключение. Но если, признавшись, они впоследствии отрекались от показаний, суд объявлял их *нераскаявшимися* еретиками. А это означало — *костер*. Более семидесяти рыцарей окончили жизнь в страшных муках, сгорая живьем под радостные вопли толпы.

А всемогущий некогда де Моле закончил свою покаянную речь заливаясь слезами и, стоя на коленях, умолял суд подвергнуть его пыткам, дабы братья его не могли сказать, что он добровольно явился причиной их гибели.

Конечно же, ему в этом было отказано: в пытках не было ни малейшего смысла, ведь Магистр сам охотно признался в том, в чем признавался всякий раз, когда предстал перед судом.

«Как? — дивился Климент, морщась от боли в желудке. — Как мог Совет ордена избрать этого безвольного, даже трусливого человечка Великим магистром?» Более того, сообщив о существовании тайного устава ордена, Магистр добавил, что сам он его только видел, но никогда не держал в руках.

И сейчас, сидя за одним столом с королем Франции, отпивая мелкими глотками бархатное густое вино, папа вспоминал, как тогда же, на допросе де Моле, ему пришла в голову мысль, как могли бы тамплиеры «оправдать» богохульственный обряд. А что, если они делали это в память трехкратного отречения апостола Петра? Их, безусловно, подвергли бы порицанию за подобную немыслимую глупость — но все-таки *глупость*, а не преступное *богохульство*! А это позволило бы сохранить и орден, и жизни многих бесстрашных рыцарей, доказавших свою верность Церкви в жестоких сражениях с сарацинами. И еще одна загадка: ведь вдобавок к своему тугодумию и малодушию сам Жак де Моле никогда не был участником сражений на Святой Земле. И вдруг — Великий магистр! Поистине, все допросы и дознания не вскрыли и десятой доли тех тайн, которые плотным коконом покрывали то, что было орденом рыцарей Храма... Короля Франции, судя по всему, это занимало очень мало. Для него

куда важнее была тайна исчезнувших сокровищ тамплиеров, которые позволили бы подлатать изрядно прохудившуюся казну монарха.

III

Стража, разгоняя зевак, торила в толпе проход, по которому двигалась повозка, запряженная двумя лошадьми. На повозке, удерживаемые цепью, покачиваясь на ослабевших ногах, ехали четыре одетых в лохмотья человека. Когда один за другим они спустились с повозки и начали подниматься по ступенькам, ведущим на эшафот, толпа единой волной хлынула к ним, словно желая погresti под собой, но тут же откатилась, наткнувшись на острия алебард стражи, которая явно не расположена была шутить.

Поднявшись на эшафот, четверо обвиняемых по приказу парижского прево сели на скамью, назначения которой зеваки до тех пор никак не могли понять. Сев, все четверо, как по команде, опустили головы, словно не решаясь смотреть в лица окружавших их со всех сторон людей. Со своего кресла на ступенях Нотр-Дама поднялся архиепископ Санса Гийом Парижский, он же инквизитор Франции, Выпрямившись, он ударил епископским жезлом о мрамор. Толпа мгновенно стихла. Лишь изредка там и сям раздавался шепот:

— Который же из них де Моле? Шарней? А кто из них де Гонвиль?

Ответить на этот вопрос даже человеку, знавшему четырех несчастных, еще несколько лет назад бывших высшими сановниками ордена, было бы непросто. Лохмотья, через которые проглядывали истощенные тела, седые бороды до пояса, изможденные лица,